

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.7
УДК 316.473 | ББК 60.527 + 60.524

© Морев М.В.

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ¹

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

В статье представлен авторский взгляд на глобальные вызовы, встающие в XXI веке перед ключевыми участниками геополитической конкуренции и, в частности, перед Российской Федерацией. В данном контексте рассмотрены некоторые национальные особенности общественного сознания россиян, сформировавшиеся в постсоветский период. Цель исследования – охарактеризовать глобальные и национальные условия, в которых находится Россия, а также показать, как эти условия влияют на роль и особенности развития социального капитала в нашей стране. Сделан вывод о том, что тренды эволюционного развития актуализируют значимость человеческого потенциала и наряду с ним субъективного восприятия людьми ключевых событий и процессов, происходящих во внутренней и внешней политической и экономической жизни. Одновременно с увеличением значимости человеческого потенциала как фактора геополитической конкуренции обостряется целый комплекс вопросов, от которых зависит его формирование и развитие. Среди них особое место занимает научная интерпретация специфики и закономерностей формирования социального капитала, накапливаемого в процессе взаимоотношений между людьми, а также между населением и различными институтами, диктующими основные правила и вектор общественного развития. В статье делается вывод о том, что, несмотря на объективную, заданную глобальными вызовами необходимость развития социального капитала, национальные особенности не способствуют данному процессу. «Травмированный» (как отмечают эксперты) последствиями распа-

Цитата: Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.7

Citation: Morev M.V. Global threats and national specifics of social capital formation in Russia. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 2 (94). DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.7

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

да СССР характер общественного сознания россиян на протяжении всего постсоветского периода стал почвой для социальной атомизации населения, что наглядно проявляется в сложившемся уровне межличностного и институционального доверия. Вместе с тем результаты исследования позволяют говорить о том, что в российском обществе существует потенциал для более эффективной реализации социального капитала. В частности, события «крымской весны» показали, что консолидация общества на волне гражданско-патриотических настроений возможна даже в том случае, когда остаются нерешенными проблемы социально-экономического характера, в том числе ключевая из них – значительное социальное расслоение населения, поддерживающее в обществе высокую степень потребности в социальной справедливости. Информационной базой выступили социологические исследования, проводимые Институтом социологии РАН, Всероссийским центром изучения общественного мнения, Левада-Центром на общероссийском уровне; мониторинг общественного мнения, осуществляемый Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» на территории Вологодской области; результаты опроса, специально проведенного в рамках проекта РГНФ на территории двух субъектов Северо-Западного федерального округа.

Геополитическая конкуренция, неэкономические факторы развития, человеческий потенциал, социальный капитал, общественное сознание.

Развитие событий на международной политической арене ставит перед странами мира новые, все более серьезные вызовы, далеко выходящие за рамки экономических и политических отношений. В первую очередь это касается ключевых участников международной конкуренции, к числу которых относится и Российская Федерация. В связи с этим возникает объективная потребность в научной интерпретации и учете при проведении государственной политики основных трендов, характерных, с одной стороны, для развития мировой цивилизации в целом, с другой – для специфических национальных особенностей, сложившихся в стране.

К первым можно отнести стремительное и хаотичное развитие политических и экономических процессов, сопровождающееся крупными и относительно мелкими военными конфликтами, неослабевающей угрозой террористических атак, мировыми экономическими кризисами, периодически обостряющейся напряженностью отношений между государственной властью и населением (о чем, к примеру, свидетельствуют результаты референдумов, прошедших в 2016–2017 гг. в США и некоторых странах Западной Европы²).

² К их числу можно отнести брекзит Великобритании, победу Д. Трампа на президентских выборах в США, референдум о независимости Каталонии и др.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что глобализация, рыночные отношения, демократия и прочие ценности капиталистической парадигмы развития все больше проявляют признаки своей ущербности и вытесняются потребностями населения в социальной справедливости, в развитии сообразно национальным культурным особенностям, в сильной и справедливой государственной власти. Неслучайно в первой четверти XXI века появляется много публикаций, в которых ученые с мировым именем рассуждают о крахе либерализма и капитализма (прежде всего потому, что их идея безудержного потребления не соответствует ни настроениям людей сегодня, ни глобальным вызовам, которые могут угрожать планете завтра). «Капитализм как экономическая система, которая неизбежно производит риск и неустойчивость, зависит от некоторой структуры поддерживающих его институтов, помогающих обычным людям справляться с трудностями. В старых капиталистических экономиках социально организованное сглаживание рисков уже было в изрядной степени размыто, тогда как в развивающихся капиталистических экономиках новые институты, ориентированные на данные цели, складываются относительно медленно. Это, в свою очередь, приводит к вопросам, смогут

ли капитализм и правительства, его поддерживающие, сохранить за собой политическую легитимность... В мире накапливаются причины для кризиса именно структурного, т. е. неразрешимого в пределах стандартных политических и инвестиционных решений наших дней... Капитализм не сможет процветать, если институты не будут реформированы, занятость – восстановлена, а экологические, относящиеся к здравоохранению и другим сферам проблемы – так или иначе решены...» [1].

Научно-технический прогресс, набирающий обороты с середины XX века, а также наличие ядерного потенциала у ведущих мировых держав создают объективные предпосылки для информационного характера урегулирования напряженных противоречий, возникших после того, как Российская Федерация, преодолев наиболее острые последствия распада Советского Союза, стала все больше заявлять о себе как о крупном политическом игроке. «Гибридная война», или «Холодная война 2.0», стала механизмом реализации глобального тренда человеческой эволюции, заключающегося в стремительном усилении роли неэкономических факторов развития и, прежде всего, субъективного восприятия населением основных событий, происходящих в политической и экономической жизни на внутренней и внешней политической арене. «Усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физикогеографические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития» [2, с. 46].

Известно, что «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значе-

ние, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [3]. «Человеческая история перестала быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом. Это означает, что в наше время решающую роль приобретают факторы субъектные (включая науку), то есть способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным. Даже если эти усилия социальных акторов нередко приводят к неожиданным незапланированным последствиям, эти последствия не перестают быть продуктом их действий...» [3, с. 45].

Актуализация субъективных факторов общественного развития – объективный тренд человеческой эволюции, с которым так или иначе вынуждены считаться все страны мира, но у каждого государства существуют свои национальные особенности, влияющие на условия этого соответствия. При этом, чем больше изъянов обнаруживают в себе глобализационные процессы, тем более весомыми становятся факторы именно национального характера.

В связи с этим необходимо упомянуть, на наш взгляд, две объективные характеристики, которые выделяют отечественные ученые, описывая условия существования и развития России в постсоветский период.

Первая заключается в том, что общественное развитие постсоветского социума лишено вектора. «...Категории модернизации и переходного периода, переходного общества, – как пишет В.А. Ядов, – явно не выражают существа происходящих в России изменений просто потому, что исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен. Наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от «векторной на-

грузки», – понятие трансформации» [4, с. 45]. «В силу многообразия и особенностей процесса трансформации, охватившего политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни общества России, пока не представляется возможным рассмотреть и проанализировать этот процесс в целом с достаточной степенью глубины, и тем более выявить его основную направленность даже в качестве «тренда» [5, с. 77].

Вторая особенность постсоветского периода подробно изложена в монографиях Ж.Т. Тощенко «Парадоксальный человек» (2001 г.), «Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа» (2011 г.) и «Фантомы российского общества» (2015 г.). «...В современной России, – пишет главный редактор журнала «Социс», – кардинальные, трансформационные процессы в сознании и поведении людей приобретают все более значимую, а нередко и решающую роль в осуществлении многих общественных преобразований. Общественное сознание во все большей мере становится показателем противоречивых и парадоксальных изменений во всех сферах общественной жизни: социологический анализ свидетельствует, что они отражают глубинные сдвиги в социально-экономической и социально-политической жизни после распада СССР, которые разорвали поступательное развитие государства и общества... травмированность и антиномичность сознания стали характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России» [6, с. 14–15].

Действительно, в конце XX века Россия пережила глубочайшую психологическую травму, связанную с распадом Советского Союза. Эта крупнейшая геополитическая катастрофа XX века повлекла за собой не столько экономический кризис, сколько социально-психологическую дезадаптацию населения. Были разрушены идеологические принципы существования общества, на которых оно «держалось» и развивалось почти 70 лет.

Последующий захват государства «фантомными личностями» и, как следствие, «фантомные процессы», доминирующие во всех

сферах общественной жизни (прежде всего, в системе государственного управления), обусловили длительный, многолетний характер травмированного состояния российского общества. Индикаторами этого выступают парадоксальные (то есть лишенные векторной нагрузки) характеристики общественного сознания, многочисленные примеры которых встречаются в общероссийских и региональных исследованиях общественного мнения.

С этой точки зрения интересные результаты были получены, например, А.Л. Арефьевым и Ф.Э. Шереги, которые, основываясь на данных общероссийского социологического опроса³, пришли к выводу о «противоречивости исторического сознания населения». Авторы пишут о том, что «события оказываются оторванными от конкретных исторических этапов страны и как бы существуют сами по себе, вне истории... однозначно положительно оцениваемые события приходится на периоды нашей истории, которые в целом воспринимаются либо как отрицательные (сталинская диктатура), либо как вообще «забытые» (СССР при Хрущеве), что свидетельствует о противоречивости исторического сознания россиян» [7, с. 708–709].

Результаты мониторинговых социологических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»⁴, проводимых на территории Вологодской области, также демонстрируют

³ Исследование было проведено Центром социального прогнозирования и маркетинга в мае 2016 года по общероссийской репрезентативной районированной выборке с квотным отбором респондентов на последней ступени. Объем выборки – 2200 чел. в возрасте 16 лет и старше.

⁴ Мониторинг проводится с периодичностью один раз в 2 месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

примеры парадоксальности и антиномичности общественного сознания. Так, например, глубокие противоречия отмечаются в психологическом самочувствии населения. За период с 2000 по 2016 год доля тех, кто положительно характеризует свое эмоциональное состояние, увеличилась с 46 до 68%, при этом позитивные тенденции отмечались во всех группах, независимо от материального благосостояния (табл. 1). Однако за этот же период в 2 раза увеличилась доля людей, неуверенных в своем будущем. С 2013 года их удельный вес продолжает расти, и сегодня об этом говорят более 60% населения. При этом следует отметить, что в данном случае важна даже не динамика, а именно тот факт, что на протяжении всего последнего 20-летия неуверенность в будущем проявляло очень значительное количество людей. Даже в самые лучшие времена (2003–2004 гг.) доля тех, кто сталкивался с этой проблемой, составляла 35–40% (более трети опрошенных). По последним данным (на февраль 2017 года) неуверенность в завтрашнем дне испытывают 55% людей из числа тех, кто положительно характеризует свое эмоциональное состояние (среди тех, кто «испытывает напряжение, раздражение, страх, тоску», – 77%).

Важную роль указанные выше национальные особенности общественного созна-

ния играют в формировании социального капитала, который в настоящее время выступает «ресурсом развития, влияющим на общественное благосостояние, на эффективность реализации социальных программ и на многое другое» [8, с. 131]. «Сегодня стало очевидным, какую огромную роль играют отношения, возникающие в связи с тем, насколько и как организованы и взаимодействуют для достижения определенных результатов отдельные люди и общества в целом. Они являются тем самым «социальным клеем», который и получил название социального капитала» [9, с. 111].

Концепция социального капитала тесным образом сопряжена с концепцией доверия, которое может быть как его источником, так и его результатом [8, с. 134]. «Доверие, существующее в обществе, укрепляет когнитивные стереотипы и установки, обеспечивая и поддерживая тем самым межгрупповое взаимопонимание, толерантность, сотрудничество» [10, с. 157].

Таким образом, анализируя динамику межличностного и институционального доверия можно, в целом, охарактеризовать условия, в которых происходит формирование социального капитала. И в этом смысле травмированный характер общественного сознания людей проявляет себя в полной мере.

Таблица 1. Динамика индикаторов психологического самочувствия населения, % от числа опрошенных

Децильные группы	2000 год	2007 год	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Доля людей, испытывающих «прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»									
10% наименее обеспеченных	26,5	49,1	42,7	41,3	44,6	40,1	44,9	48,4	47,7
30% наименее обеспеченных (включая 10% наименее обеспеченных)	30,7	53,8	48,6	49,3	54,9	51,5	54,2	56,2	55,3
30% менее обеспеченных	46,3	60,6	59,3	61,8	66,1	70,0	71,7	68,8	67,9
30% более обеспеченных	54,1	70,1	72,0	74,2	76,5	80,4	80,9	78,9	76,7
10% наиболее обеспеченных	65,5	77,1	80,4	76,7	85,1	84,7	84,8	81,9	83,2
В среднем по области	46,1	63,6	62,1	63,1	67,3	68,6	69,4	68,7	68,0
Доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне, % от числа опрошенных в каждой децильной группе									
10% наименее обеспеченных	62,3	43,2	49,3	75,9	70,5	66,7	62,5	67,4	66,2
30% наименее обеспеченных (включая 10% наименее обеспеченных)	65,6	42,2	49,3	67,4	64,1	64,0	54,4	63,5	64,6
30% менее обеспеченных	61,4	50,6	49,3	61,7	55,3	49,8	47,7	56,0	60,2
30% более обеспеченных	63,4	45,8	43,7	63,7	50,0	43,6	45,5	52,2	59,5
10% наиболее обеспеченных	47,4	38,1	30,4	40,9	39,4	31,9	24,3	37,8	56,1
В среднем по области	56,9	38,4	61,5	53,7	49,3	48,2	54,7	60,5	61,0

«Доверие, – как отмечает американский социолог Ф. Фукуяма, – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [11, с. 52]. Однако, как показали результаты проведенных исследований⁵, в случае возникновения проблемной жизненной ситуации лишь родственники или друзья становятся теми людьми, к которым можно обратиться за помощью. Соседи по дому, коллеги, земляки и т. д. уже не рассматриваются гражданами как возможная опора при возникновении жизненных трудностей (табл. 2).

Подавляющее большинство (85%) или не доверяет никому, или в лучшем случае – «самым близким друзьям и родственникам»; лишь 4–7% опрошенных отмечают, что могут повлиять на положение дел в городе, области, стране в целом; каждый четвертый (26%) не готов объединяться с другими людьми для достижения общих целей, причем удельный вес данной категории населения увеличивается последние 3 года (в 2014–2016 гг. – с 15 до 26%; табл. 3). Определенные позитивные изменения в динамику межличностного доверия внесли события «крымской весны» (это отразилось на улучшении показателей в 2014–2015 гг.), однако «крымский эффект»

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «К кому Вы сможете обратиться при возникновении проблемной жизненной ситуации?»

Вариант ответа		Вологда	Череповец	Псков	Среднее по Вологде и Череповцу	Среднее по опросу
Членам семьи	Всегда, часто	88,3	89,7	93,0	89,0	90,4
	Редко, практически никогда	10,6	7,0	6,0	8,9	7,9
Родственникам	Всегда, часто	81,7	74,7	78,4	78,2	78,3
	Редко, практически никогда	17,3	22,3	19,0	19,8	19,5
Друзьям	Всегда, часто	71,7	70,0	69,0	70,8	70,2
	Редко, практически никогда	27,0	27,0	29,3	27,0	27,8
Соседям по дому/подъезду	Всегда, часто	25,0	14,3	7,0	19,7	15,5
	Редко, практически никогда	73,4	82,3	89,7	77,8	81,8
Своему руководителю	Всегда, часто	26,3	16,0	19,3	21,2	20,6
	Редко, практически никогда	71,4	80,6	75,6	76,0	75,8
Своим подчиненным	Всегда, часто	17,0	11,7	10,0	14,4	12,9
	Редко, практически никогда	73,3	84,0	80,7	78,7	79,4
Коллегам по работе	Всегда, часто	32,3	20,7	18,0	26,5	23,7
	Редко, практически никогда	65,0	76,0	76,7	70,5	72,6
Землякам	Всегда, часто	15,4	13,0	7,3	14,1	11,9
	Редко, практически никогда	82,3	84,0	86,3	83,2	84,2
Единоверцам	Всегда, часто	9,3	11,0	7,4	10,2	9,2
	Редко, практически никогда	88,7	85,7	85,3	87,2	86,5
Членам организации, в которой состою	Всегда, часто	10,3	9,0	6,0	9,6	8,5
	Редко, практически никогда	85,7	88,0	82,4	86,8	85,3
Представителям интернет-сообщества, в котором состою	Всегда, часто	9,7	5,4	3,0	7,5	6,0
	Редко, практически никогда	87,4	91,7	89,3	89,5	89,5
Прохожим на улице	Всегда, часто	8,7	3,3	1,3	6,0	4,4
	Редко, практически никогда	89,6	93,7	94,0	91,7	92,4
Людям, находящимся вместе со мной в общественных местах	Всегда, часто	8,4	3,0	1,6	5,6	4,4
	Редко, практически никогда	89,7	93,7	93,6	91,7	92,3

⁵ Опрос «Региональный социальный капитал» проводился в августе–сентябре 2017 года в трех городах Северо-Западного федерального округа: в Пскове и в двух городах Вологодской области – в Вологде и Череповце. Было опрошено 900 респондентов старше 18 лет (по 300 человек в каждом населенном пункте). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением половозрастной структуры взрослого населения. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос проведен за счет средств гранта РГНФ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

Таблица 3. Динамика показателей гражданской активности и межличностного доверия, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Доля людей, считающих, что сегодня больше согласия и сплоченности, чем несогласия и разобщенности в...					
В стране	14,2	14,1	28,9	22,0	21,6
В области	19,3	15,9	26,9	19,9	20,3
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	32,2	33,4
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	57,7	58,0
Кому Вы можете доверять?					
В наше время никому нельзя доверять	26,1	27,9	27,9	23,5	25,1
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	52,5	53,4	55,7	60,2
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	15,2	12,2	12,6	10,8
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,6	3,1	2,5	2,3
Затрудняюсь ответить	0,7	2,8	3,4	5,7	1,6
Доля людей, считающих, что могут лично повлиять на состояние дел в...					
В Вашей семье	77,1	76,9	77,5	75,7	84,5
У Вас на работе	50,7	42,9	40,9	35,1	39,9
В Вашем доме, дворе	35,6	34,5	33,5	34,1	32,9
В Вашем городе, районе	12,3	7,1	9,4	7,1	7,1
В нашей области	7,7	3,0	4,1	3,7	4,7
В стране в целом	6,6	2,5	3,7	3,3	3,9
Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?					
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	50,6	38,3
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	18,9	26,1
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	30,5	35,5

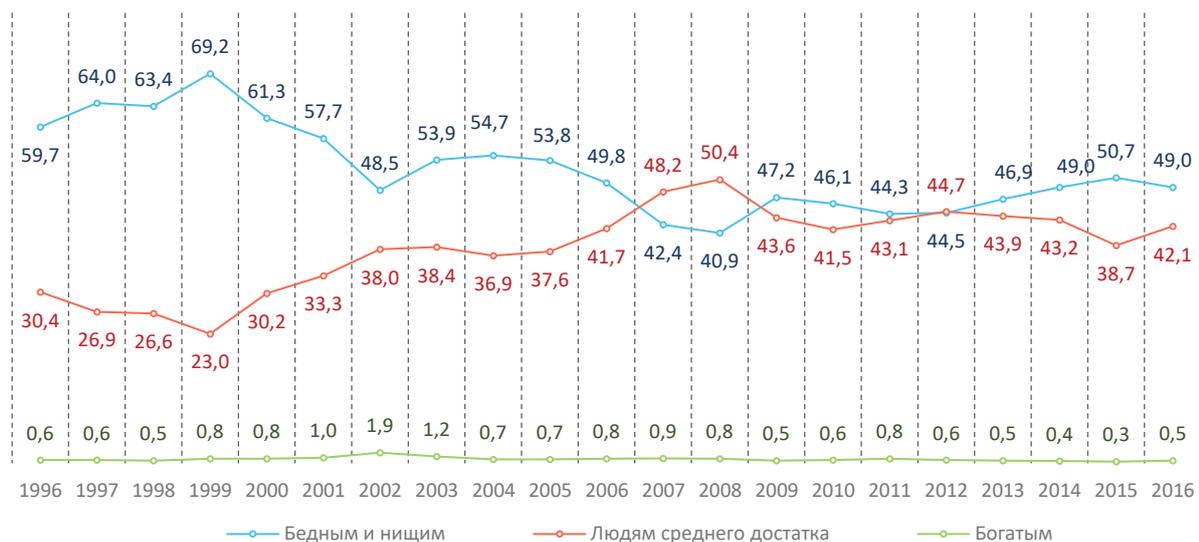

Рис. 1. Динамика социальной самоидентификации населения (формулировка вопроса «К какой категории Вы себя относите?»), % от числа опрошенных

оказался непродолжительным, и уже в 2016 году оценки общественного мнения вернулись «на круги своя».

Примечательно, что патриотический подъем, произошедший в период «крымской весны», не сопровождался ощутимыми изменениями в динамике уровня и качества жизни населения. С 2012 года продолжается рост

доли людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» (рис. 1).

Это говорит о высокой значимости именно субъективного фактора для российского общества: рекордные темпы роста поддержки президента, который отмечали весной – летом 2014 года ведущие социологические центры страны (ВЦИОМ, например), были свя-

заны исключительно с усилением патриотических настроений, а не с ростом благосостояния. Хотя, очевидно, что именно вопросы, связанные с динамикой уровня и качества жизни (социальной защиты, снижения неравенства, инфляции, социальных лифтов и т. д.), а не с территориальными границами или духовными ценностями России, являются на сегодняшний день первоочередными для населения. В частности, наши опросы показывают, что в структуре наиболее актуальных проблем лидирующие позиции на протяжении периода с 1999 по 2017 год устойчиво занимали инфляция, низкий уровень жизни, бедность и расслоение населения на «бедных» и «богатых». При этом доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, за период с 2000 по 2017 год увеличилась с 45 до 57%; низким уровнем жизни – с 51 до 54%; расслоением населения на «бедных» и «богатых» – с 28 до 39%, коррупцией – с 15 до 24%.

Индекс потребительских настроений, отражающий прогнозы населения относительно перспектив развития экономической ситуации в стране и своего личного материального положения (что видно из характера вопросов, используемых при вычислении Индекса⁶), со времен мирового финансового

⁶ Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты: «лучше», «хуже»).
2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответов: «хорошее», «плохое»).
3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно такое же, как сейчас? (варианты: «будет лучше», «будет хуже»).
4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем, плохим или каким-либо еще? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).
5. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Среднее арифметическое из частных индексов дает совокупную величину – индекс потребительских настроений.

кризиса сохраняется на уровне ниже 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических настроений (рис. 2).

Наконец, коэффициент фондов, отражающий состояние проблемы социального неравенства в стране, был и остается существенно более высоким, чем предельно критическое значение, отмечаемое экспертами.

7 – предельно критическое значение коэффициента фондов [12, с. 590]. Достижение этого порога свидетельствует «о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций» [13, с. 72]. Однако в постсоветской России «оперативного вмешательства» органов власти в решение проблемы социального расслоения общества не было и нет [14, с. 11]. Предельно критическому значению коэффициент фондов соответствовал лишь в 1992 году. В 1990-х – начале 2000-х гг. он составлял 13–14, в середине 2000-х – 15, а с 2006 по 2015 год – 16, то есть в два раза больше (рис. 3). Причем это данные только официальной статистики. Судя по некоторым оценкам, разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет «официально 16 раз, фактически – 28–36 раз, что выше, чем в странах Западной Европы, Японии, США и многих странах Латинской Америки» [15].

В 2017 году Национальное бюро экономических исследований США опубликовало доклад «От советов до олигархов: неравенство и собственность в России, 1905–2016», в котором отмечается, что по состоянию проблемы социального неравенства Российская Федерация в 2015 году достигла уровня 1905 года, что привело к ликвидации всех позитивных достижений Русской революции [16].

Таким образом, события «крымской весны» наглядно показали, что «в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается

Рис. 2. Динамика индекса потребительских настроений в Вологодской области и Российской Федерации, пунктов

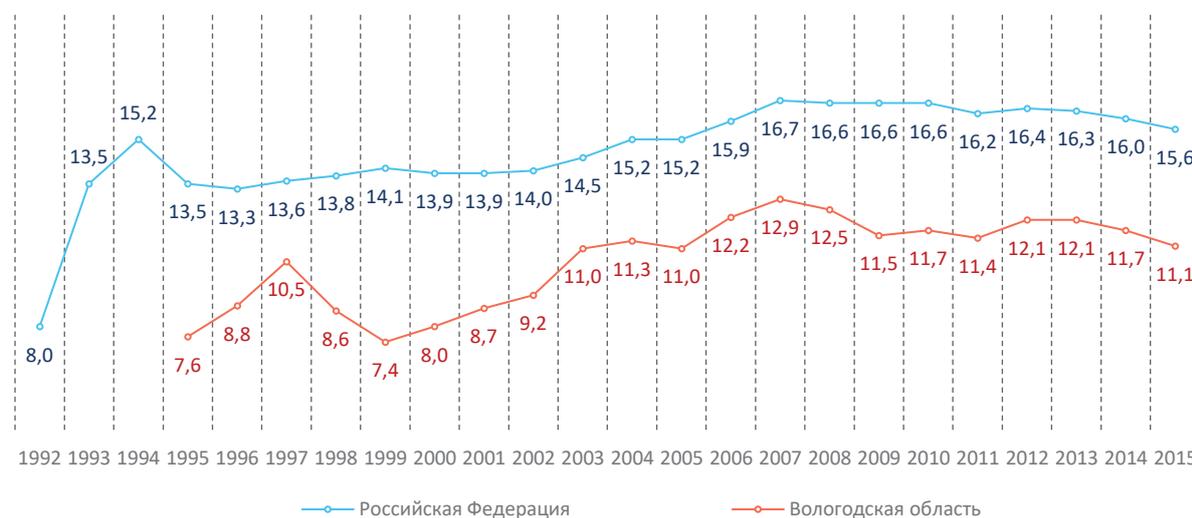

Рис. 3. Динамика коэффициента фондов, раз

сегодня российский социум» [17, с. 6]. Однако, будучи неподкрепленными столь же значимыми успехами во внутренней социально-экономической политике, патриотические настроения общества уступили место апатии, вызванной очередным ростом цен в конце 2014 – начале 2015 года. Это отразилось не только на снижении межличностного доверия в 2016 году, но и на снижении социальной активности людей. Так, в 2016 году, по срав-

нению с 2015 годом, доля людей, отметивших, что не участвуют в различных мероприятиях общественно-политической жизни⁷, увеличилась на 13 п. п. (с 37 до 50%).

Что можно сказать об особенностях сложившегося в постсоветском обществе институционального доверия? Наиболее высоким уровнем доверия у населения пользуются традиционные для российского менталитета институты – власть, церковь, силовые струк-

⁷ В вопросе фигурировали такие варианты ответов (мероприятия), как выборы, коллективное благоустройство, субботники; работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления; сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся; подписание обращений в органы власти; деятельность профсоюзных организаций; проведение избирательной кампании; деятельность общественных организаций; митинги, демонстрации, пикеты; деятельность религиозных организаций; деятельность политических партий; забастовки.

туры. На их фоне доверие, которое граждане оказывают общественным институтам, а также банковским и предпринимательским кругам, выглядит, мягко говоря, неубедительным (табл. 4).

Однако результаты общероссийских исследований, проводимых Институтом социологии РАН, а также региональных опросов ФГБУН ВолНЦ РАН показывают, что «каждое нижестоящее звено вертикали власти уступает в уровне поддержки вышестоящему. Наибольший уровень недовольства населения фокусируется на органах местного само-

управления, что вполне естественно с учетом того, что они близки к каждодневной жизни граждан и за их работой можно следить не только по телевизору» [18, с. 15] (табл. 5).

То есть при характеристике институционального доверия россиян следует отметить нарушение связи между населением и властью. Регулярные прямые линии с В.В. Путиным показывают, что надежды людей на изменение условий жизни концентрируются на президенте, который вынужден «в ручном режиме» ликвидировать ошибки неэффективного управления, сложившегося на местном уровне.

Таблица 4. Уровень доверия государственным и общественным институтам, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2000 год	2002 год	2004 год	2006 год	2008 год	2010 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	Среднее за 2000–2016 гг.
Президенту РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	56,4
Правительству РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	44,8
Церкви	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	43,9
Руководству области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	36,1
Суду	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	35,8
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	35,5
Армии	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	35,2
Прокуратуре	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	35,0
Совету Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	34,9
Полиции	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	32,0
Государственной Думе	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	30,4
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	28,8
Профсоюзам	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	27,7
Органам местного самоуправления**	н. д.	н. д.	н. д.	26,6	40,9	35,6	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	24,4
Директорам, руководителям предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	23,0
Банковским, предпринимательским кругам	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	19,0
Общественным организациям**	н. д.	н. д.	н. д.	20,0	32,6	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	18,7
Политическим партиям	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	18,5
Общественной палате РФ**	н. д.	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	16,6				
Общественной палате области**	н. д.	24,8	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	15,1				

* Ранжировано по среднему за 2000–2016 гг.

** Варианты ответов «Общественная палата РФ» и «Общественная палата области» включены в структуру опроса с 2010 года, варианты ответов «Органы местного самоуправления» и «Общественные организации» – с 2006 года.

Таблица 5. Уровень доверия федеральной, региональной и муниципальной власти, %

Институт власти	2012 год		2014 год		2015 год		2016 год	
	ИС РАН	ВолНЦ РАН						
Президент РФ	55	52	78	64	77	69	72	68
Руководитель республики, губернатор	38	42	48	40	43	39	30	38
Органы местного самоуправления (главы местных администраций)	н. д.	37	34	39	28	38	22	37

Как отмечают эксперты, «Современная Россия находится в состоянии «ручного управления», когда существующая система социальных отношений не работает в полной мере, а Президент РФ выступает гарантом реализации социальных идей, подменяя собой всю систему. Элементами «ручного управления» как основы системы управления наряду с ОНФ являются также ежегодные встречи Президента с журналистами и народом... Однако эта система управления не работает в России. Создается достаточно проблематичная, заслуживающая пристального внимания ситуация – государственная власть и общество постепенно удаляются друг от друга. Этот разрыв оказывается все больше и больше...» [19]. При этом, когда снижается надежда на власть, растет значимость социального капитала: люди вынуждены решать свои повседневные проблемы либо сообща (что мы часто видим, когда речь идет, например, о сборе средств на лечение или материальную помощь), либо индивидуально (что подтверждается данными Института социологии РАН, свидетельствующими о том, что в последние годы в российском обществе устойчиво растет доля так называемых самодостаточных россиян – людей, которые не рассчитывают и не ждут помощи от государства, а находят пути для самостоятельного решения своих проблем. В 2011 году таковых насчитывалось 34%, в 2014 году – 44%, в 2016 году – 48%).

Таким образом, общемировой тренд актуализации неэкономических факторов развития делает ключевым фактором геополитической конкуренции человеческий потенциал. С другой стороны, «травмированность» как национальная характеристика общественного сознания постсоветского социума и необходимость соответствовать высокому статусу одного из центров многополярного мира (или, по крайней мере, одного из ключевых игроков на геополитической арене) ставят Россию в условия «между молотом и наковальней», что создает глобальную угро-

зу не только для дальнейшего развития, но и для национальной безопасности. Уже сегодня проявления этой напряженной ситуации отражаются в оценках общественного мнения, в конкретных формах поведения людей, что свидетельствует о реалистичности и масштабности возможных негативных последствий. При этом нельзя не согласиться с предостережениями авторитетных экспертов о том, что «в условиях глобальной конкуренции любая серьезная ошибка может стать фатальной: отыграть утраченные позиции уже практически невозможно. Это означает, что Россия не имеет права на серьезные управленческие ошибки, ибо любой просчет с ее стороны будет использован против нее с максимальной эффективностью» [20, с. 12].

Глобальные тренды общественного развития актуализируют вопросы, связанные с формированием социального капитала, однако, как показывают общероссийские и региональные исследования, национальные особенности во многом препятствуют данному процессу, что выражается в низком уровне межличностного доверия и все еще сохраняющейся «пропасти» во взаимодействии между обществом и властью. В то же время результаты социологических измерений свидетельствуют о том, что потенциал для преодоления выявленных негативных аспектов формирования социального капитала в российском обществе не исчез, а пребывает в «спящем режиме», находясь под гнетом повседневных социально-экономических проблем, которые вызывают у людей первоочередную потребность в достижении социальной справедливости и ее гаранте со стороны государственной власти. Именно эта задача должна стать приоритетной на всех уровнях государственного управления, что позволит России соответствовать своему геополитическому статусу не только в достижениях внешней политики, но и во внутренней социально-экономической и общественно-политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. / И. Валлерстайн [и др.]. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
2. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.
3. R.K. Merton. *Social Theory and Social Structure*. Free Press, 1968, pp. 477.
4. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 45–55.
5. Голенкова З.Т. Динамика социокультурной трансформации в России // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 77–84.
6. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
7. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Парадоксы массового сознания населения России // Вестник Российской академии наук. 2017. № 8. Том 87. С. 706–715.
8. Гужавина Т.А. Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. 2016. № 1. С. 130–144.
9. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 110–125.
10. Гужавина Т.А. Доверие и его роль в модернизационном развитии региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5. С. 156–172.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
12. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–604.
13. Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 5. С. 71–75.
14. Ильин В.А. Выборы в Государственную Думу – 2016. Экономическая политика Президента в оценках населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3. С. 9–36.
15. Смолин О.Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике // Советская Россия. 2011. 12 ноября. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>
16. Novokmet F, Piketty T, Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of economic research*, Cambridge, MA, August 2017.
17. Горшков М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия // Россия реформирующаяся: ежегодник – 2010. Выпуск 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 3–18.
18. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? / Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015. 23 с.
19. Гавриленков А.Ф. Уроки Русской революции 1917 года и современная Россия (к вопросу о политической активности общества) / Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/06/12/uroki_russkoj_revolyucii_1917_goda_i_sovremennaya_rossiya_k_voprosu_o_politicheskoj_aktivnosti_obwestva
20. Балацкий Е.В. Угрозы России в условиях рециркуляции мирового капитала // Общество и экономика. 2016. № 10. С. 5–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V.

GLOBAL THREATS AND NATIONAL SPECIFICS OF SOCIAL CAPITAL FORMATION IN RUSSIA

The article presents the author's view on the global challenges faced by the key participants of geopolitical competition and, in particular, the Russian Federation in the 21st century. In this context, some national features of the public consciousness of Russians formed in the post-Soviet period are considered. The goal of the study is to describe global and national conditions that Russia has to face and to show how these conditions affect the role and features of the development of social capital in our country. It is concluded that the trends of evolutionary development actualize the importance of human potential and along with it the subjective perception of key events and processes occurring in domestic and foreign political and economic life. Simultaneously with the increasing importance of human potential as a factor in geopolitical competition, the whole complex of issues on which its formation and development depends is exacerbated. Among them, a special place is occupied by the scientific interpretation of the specifics and laws of formation of social capital accumulated in relationships between people, as well as between the population and various institutions that dictate the basic rules and vector of social development. The article concludes that despite the objective necessity of social capital development conditioned by global challenges, national features do not contribute to this process. The nature of the social consciousness of Russians, which was "injured" (according to experts) by the consequences of the collapse of the USSR, throughout the post-Soviet period became the ground for social atomization of the population, which is clearly manifested in the current level of interpersonal and institutional trust. However, the results of this study allow us to say that in Russian society there is a potential for more effective implementation of social capital. In particular, the events of the "Crimean spring" has shown that the consolidation of society on the wave of patriotic sentiment is possible even in the case where there remain unresolved issues of socio-economic nature, including the key one – significant social stratification of the population, which demands the need for social justice. The information base was made by sociological research conducted by RAS Institute of Sociology, the Russian Public Opinion Research Center, Levada-Center at the national level; the monitoring of public opinion carried out by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the territory of the Vologda Oblast; the results of a survey conducted within the framework of a project under the Russian Foundation for the Humanities in the territory of two subjects of the Northwestern Federal District.

Geopolitical competition, non-economic drivers of development, human potential, social capital, social consciousness.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.